

**Николай
БЛОХИН**
г. Ставрополь

БРОДЯГА БЕВЕРА

Перечитывая рассказы Юрия Казакова, повести, автобиографические заметки, статьи о писателях, поймал себя на мысли, что сознание невольно возвращает меня к его воспоминаниям о Константине Паустовском. Два писателя сошлись, видимо, не случайно: «...страсть к литературному труду всю жизнь боролась» в них «со страстью к путешествиям».

Однажды Паустовский сказал Казакову, что из русских писателей он больше всего завидовал Бунину. И не таланту его, а тому, в каких странах побывал Бунин ещё в молодости. «Вы представьте только, где только он не был!» – воскликнул Паустовский и стал перечислять, что видел Бунин: Палестину, Иудею, Египет, Стамбул... Индийский океан, Цейлон...

Действительно, Паустовскому не довелось в юности побывать в жарких странах. Но он много путешествовал по родной стране. Жил и учился в Киеве, проводил каникулы в Черкассах у бабушки, с которой ездил в Вильно и Варшаву. По дороге видел Ченстоховский монастырь, который показался ему средневековым замком.

В юности Паустовский мечтал стать моряком. С греком по имени Анастас в Геленджике впервые вышел на шлюпке в открытое море, испытал одновременно ужас и восторг, когда его лицо окатило морской водой. Возвращая сына матери, грек скажет: «Теперь он у вас солёный, мадам. Уже имеет привычку к морю».

Сев на пароход в Одессе, Паустовский совершил путешествие по Чёрному морю в Батум, про который он позднее писал: «Над городом лежала ночь. Была глухая осень. В тесных переулках горели пыльные фонари, и под ними, над самой головой, провисала густая и тяжёлая темнота.

Мы сидели в скудно освещённом, прокисшем от винных бочек духане. Начался дождь. Он обрушился сразу и оглушительно гремел по обитым жестью стенам домов и проржавленным крышам».

Писал о скованном льдом Ботническом заливе и о высоких соснах, трещавших от стужи. Позднее исходил пешком Мещёрскую сторону. Лето проводил на реках и озёрах, названия которых читатель узнавал впервые со страниц его книг. Путешествия по России давали писателю огромный материал для будущих очерков, рассказов, повестей.

Однажды Казаков выписал в свою рабочую тетрадь из только что вышедшей из печати книги Паустовского «Золотая роза» всё, что связывало писателя с дорогой. Получилась забавная картина. Оказалось, что у Паустовского, писал Казаков, «почти все счастливые минуты в его жизни связаны с путешествиями».

Казаков привёл описание одного такого счастливого мгновения из жизни Паустовского: «Старый пароход отвалил от пристани в Вознесенье и вышел в Онежское озеро».

Белая ночь простиралась вокруг. Я впервые видел эту ночь не над Невой и дворцами Ленинграда, а среди северных лесистых пространств и озёр.

На востоке низко висела бледная луна. Она не давала света. Волны парохода бесшумно убегали вдаль, качая куски сосновой коры».

Картина, увиденная в тот вечер, потрясла Паустовского, как и осознание того, что он куда-то едет.

«Когда он ехал, – замечал Казаков, – он думал о той минуте, когда наконец сядет за стол, чтобы написать обо всём, что увидел и о чём думал в дороге».

Прочитав очерк Паустовского «Ветер странствий», Казаков понял одну простую вещь, что «без этого ветра ему трудно было бы жить и писать».

«Когда он работал, сидя где-нибудь в деревне или на заброшенной даче, новая дорога уже звала его и не давала покоя», – записал Казаков.

Отмечая этот творческий момент в жизни Паустовского, Казаков был уверен, что пароходы, поезда, в которых путешествовал писатель, везли его к счастью. В дороге рождался замысел новой книги и вера в то, что он напишет её.

Так Паустовский написал потом знаменитую свою книгу «Кара-Бугаз». Первые строки этой книги он вывел на бумаге, сидя в каюте: «...иногда вставал, подходил к иллюминатору, смотрел на берега. Тихо пели в железной утробе теплохода могучие машины. Пищали чайки. Писать было легко...»

Впереди писателя ждали какие-то короткие встречи в портовых городах, куда они должны были заходить. Теплоход, разрезая воду стальным форштевнем, шёл на север, а Паустовскому в те минуты казалось, что он несёт его «к неизбежному счастью».

«Таких воспоминаний о счастье дороги в его книгах сотни», – отмечал Казаков.

В «Золотой розе» Казаков обратил внимание на

следующие строки Паустовского: «Ещё в детстве у меня появилось пристрастие к географическим картам. Я мог сидеть над ними по несколько часов, как над увлекательной книгой».

Я изучал течения неведомых рек, прихотливые морские побережья, проникал в глубину тайги, где маленькими кружочками были отмечены безыменные фактории, повторял, как стихи, звучные названия – Югорский шар и Гебриды, Гвадаррама и Инвернесс, Онега и Кордильеры.

Постепенно все эти места оживали в моём воображении с такой ясностью, что, кажется, я мог бы написать вымышленные путевые дневники по разным материкам и странам».

II

Казаков познакомился с Паустовским в Доме творчества писателей в Дубултах – пригороде латышской Юрмалы, кажется, в 1957 году... Паустовскому в ту пору было шестьдесят пять, Казакову – тридцать.

Юрий – ещё студент Литературного института имени А. М. Горького. Но за плечами у него его первое путешествие на Русский Север. Он попал на Беломорье, можно сказать, случайно. Во время студенческих каникул, оформив в редакции журнала «Знамя», в который он приносил свои первые рассказы, творческую командировку, Казаков отправился в путешествие по следам Михаила Пришвина, побывавшего в этих краях пятьдесят лет назад. Казаков в ту пору увлекался Пришвиным, его повестью «За волшебным колобком», захотелось посмотреть, что осталось, что изменилось в описанных им местах.

Так что в пятьдесят седьмом Казаков пришёл к Паустовскому не с пустыми руками. Уже были написаны первые северные рассказы «Никишкины тайны», «Поморка».

Герой рассказа «Голубое и зелёное» Алёша с матерью тоже уезжает на Север. Он давно мечтал об этой поездке. Он впервые попадает в леса, настоящие, дикие. Охотится, собирает грибы, сидит на берегу озера, видит плавающих в воде рыб, наблюдает за полётом уток, слушает гул сосен... Через месяц возвращается в Москву.

В столице, которая оглушила Алёшу шумом, огнями, запахом, его не покидают воспоминания обо всём, что он оставил на Севере. После расставания с Лилей мир не разрушился, и Алёша понимает, что он скоро уедет на Север. Он не знает, почему его тянет на Север. Может быть,

потому, что он там охотился. Но Алёша чувствует: там, на Севере, он был счастлив.

В пятьдесят шестом в Архангельском книжном издательстве у Казакова вышла его первая 35-страничная книжка «Тэдди». Рассказ про медведя по кличке Тэдди, который некогда работал в цирке, но однажды оказался на свободе, потряс читателей своей тихой грустью и светлой печалью.

В этом же издательстве готовилась к печати книжка его первых рассказов «Манька», а в издательстве «Детгиз» лежала рукопись сборника рассказов «Арктур – гончий пёс». Обе книги увидели свет в пятьдесят восьмом. В них перед читателями предстал совершенно незнакомый Русский Север.

Один из лучших северных рассказов Казакова «Манька» вышел с посвящением Константину Паустовскому. Казаков написал посвящение Паустовскому после их первой встречи: «Прочитал он тогда мои первые рассказы и своей восторженной оценкой так смутил меня, что я несколько дней стеснялся к нему подходить».

В этих первых рассказах Паустовский почувствовал, как Казакова, коренного москвича, никуда ранее не выезжавшего, Русский Север просто-напросто покорил. И не ошибся: Русский Север стал местом паломничества писателя на всю оставшуюся жизнь. На Русском Севере Казаков увидел то, чего нет в нашем – среднерусском.

«У нас летом сеной дух по лугам, – писал он, – дороги среди ржи или пшеницы, яблоки и вишни в садах, равнинные извилистые речонки, гуси ходят по дорогам, ночные зарницы, пыльные автомашины и комбайны, запахи клевера и ромашки...»

А тут, словно с полотен Левитана, перед его взором вставала другая Русь: амбары, изгороди, дворы, бани, сизые избы, висящий из пазов мох, щепные крыши, деревянные мостовые, дощатые мостики в проулках... Казаков называл эту картину «деревянной музыкой Севера».

Здесь, на краю Земли Русской, перед Казаковым открылась «невысокая пустынная гряда холмов, почти плоская тундровая равнина и река, странно текущая вспять в часы прилива». Но от такой впервые увиденной картины и у него дрогнуло сердце – повеяло древней Русью.

III

Больше всего Юрия Казакова поразили деревни Русского Севера, ни на какие другие деревни на свете не похожие. Двухэтажные избы, от которых веяло древностью веков, двери вообще без замков. Если хозяин уходил в море, то избу не запирали, а просто ставил палку к двери. Это означало, что дома никого нет. И никто в избу не заходил.

И запахи в деревнях Русского Севера иные: пахнет в них карбасами, просмоленными бортами, пахнет сетями, песком, мхом, рыбой и тюленьей кожей...

«Впервые на Белое море я попал в 1956 году, – писал Казаков позднее в очерке «Вот и опять Север». – Полтора месяца шёл я побережьем от деревни к деревне (а они друг от друга километрах в сорока – пятидесяти), где пешком, а где на карбасах и мотоботах... Так начался для меня Север... Я ездил на Белое море ещё и ещё, пока наконец не взялся за «Северный дневник».

Сидя осенью в чудесной деревушке на Оке и дописывая последние главы «Дневника», я думал, что северные мои странствия – и открытия, и восторги, и печали – уже позади, но как же я заблуждался! Север не отпускал меня, а притягивал всё сильнее. Мне хотелось глубже проникнуть в жизнь края, где всё было необычным – и быт, и язык, и характеры. Потомки древних новгородцев, пришедших несколько столетий назад осваивать этот суровый, прекрасный край, поморы сохранили чистоту и образность истинно русского языка, своеобразие быта. Они не знали крепостного права, не испытывали иноземного ига... География моих дальнейших поездок на Север всё расширялась. Из каждой поездки я привозил 1-2 очерка...

На Севере я иногда ловил с рыбаками рыбу, был на тюленьем промысле...»

Юрий Казаков подолгу жил в Лопшеньге, считал её самой красивой поморской деревней, работал наравне со всеми её жителями, ходил на сейнере в море, ловил свежий сильный запах рыбы. Паустовский любил слушать рассказы Казакова о Русском Севере, о царстве рыбы и моря, о жизни моряка, о поморах. А эти бесконечные истории о ветрах, приливах и отливах, рассказы про Лопшеньгу!

Константин Георгиевич доставал с книжной полки географический атлас и, сняв очки, начинал отыскивать места, куда собирался поехать вместе с Казаковым:

«– Яреньга... Лопшеньга... – бормотал он. – Какие названия! Юра, возьмите меня! Возьмёте? Я вот поправлюсь... Врачи пустят – возьмёте?»

И с тоской поглядел за окно, на заливные луга, на Оку».

Одна из книг Казакова так и называлась «Поедемте в Лопшеньгу...» Книга вышла в 1983 году в издательстве «Советский писатель», когда Паустовского уже не было.

Казаков встречался с Паустовским и разговаривал с ним много раз, вплоть до печального июльского дня шестьдесят восьмого, когда писателя не стало. И Паустовский до конца жизни интересовался, расспрашивал всех, кто у него бывал, где Казаков, о чём пишет. Рад был приездам Казакова к нему в Тарусу. Разговор о Севере начинался с порога и продолжался до поздней ночи.

...Отдельной страницей в творчестве Казакова стоит рассказ про поморские деревни. В его рассказах мелькают настоящие, не придуманные названия деревень Русского Севера: Вазинцы, Золотицы, Майда, Койда. Везде колхозникам начисляли трудодни. А тут, на Русском Севере, мужики ловили и сдавали государству рыбу. Получали за неё деньги. И деньги немалые.

Мне думается, что Казаков, возможно, даже в ущерб литературным достоинствам «Северного дневника», сознательно поведал читателям экономику здешних колхозов. Но рассказал так, что и сегодня, через много десятилетий, интересно читать о том, каким сильным был рыбацкий колхоз с символическим названием «Освобождение».

За сухими цифрами планов, уловов сельди, трески, наваги, палтуса, камбалы, сёмги, тюленя, белухи со страниц его «Дневника» вставляли во весь рост гордые и свободные, как морская стихия, здешние мужчины и женщины. И всё у них, в деревнях Майде и Койде, было: и школа, и клуб, и больница, и техника разная, и две электростанции, газеты и журналы в каждом доме. Не было лишь соловьёв да пыльных дорог, о которых они знали лишь по песням.

Пятнадцать колхозников работали матросами на средних рыболовецких траулерах, шестнадцать – на сейнерах, шестьдесят восемь заняты на тонях – на установке сетей для ловли сёмги, остальные – мотористы на мотодорах, трактористы, электрики, механики. Рыбаки получали за сезон от 25 до 30 тысяч рублей на средних рыболовецких траулерах и по 8-9 тысяч – на сейнерах, на прибрежном лове – на тонях – по полторы-две

тысячи рублей в месяц (*Казаков приводит расчёты в старых деньгах, до реформы 1961 года. – Прим. Н. Б.*).

Люди Русского Севера становились Казакову ближе, настолько ближе, что ему иногда казалось, и он будто бы родился на Русском Севере. А имена какие звучные у женщин и мужчин в этих краях: Анфия, Ульяна, Манька, Евлампий, Зосима, Нестор...

Особенно Казаков любил вечерние застолья: за крепким горячим чаем он мог часами слушать рассказы поморов о жизни Русского Севера.

– Как у вас тут ветры называют? – спрашивает Казаков.

Собеседник явно расположен к беседе, и настроение у него есть поговорить с человеком из Москвы.

– А вот слушай! Вот, скажем, так, начнём с севера. Север – он так и будет север. Это ветер дикой, с океана, холодный и порато сильный! Дальше идёт полуношник, это тебе будет север-восток. Этот тоже дикой, ещё, пожалуй, похуже севера. Пойдём дальше. Дальше будет восток, восток значит. А ещё обедник – этот как бы юго-восток. Эти ветра ничего, хорошие... Дальше будет летний, южный, с гор идёт, волон у нас возля берега почти не даёт, этот тоже ничего. Шалоник, юго-запад, тот днём дует, ночью стихает, так и знай! Запад – он и по-нашему запад. Ну и последний тебе ветер – побережник, как бы сказать, северо-запад. Тот дикой, холодный и взводень большой роет, худой ветер!

Удивительное дело, Казаков хранил в памяти сотни таких рассказов, записывал потом, когда оставался один на один с блокнотом или с чистым листом бумаги. Выводил в записной книжке: «Солнце красно с вечера, рыбаку бояться нечего», «Солнце красно поутру, рыбаку не по нутру».

А сколько бумаги он исписал про сёмгу, про ту самую, которой любили закусывать литературные герои из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» – помещики Петр Иванович Добчинский и Петр Иванович Бобчинский.

Вот как Казаков записывает рассказ рыбака: «Сёмга – рыба дивная... лучше её нет по всей земле... Рыба она умная и знает свой закон. Так чтобы по морю без толку болтаться, этого у ней нет. А идёт она походами... На тони выезжаем в начале июня. И вот в начале июня начинает нам идти сёмга... Первый поход ей начинается с начала июня, и называется она залётка – это сёмга крупная, сильная, жиловатая. С десятого июня до Прокофьева дня, то есть до двадцать первого

июля, идёт всё межень, мелкая сёмга. С Прокофьева до первого Спасу, то есть по-теперешнему до четырнадцатого августа, может идти, но не каждый год такая сёмга – чёрная рыба. Эта будет покрупнее межени. А со Спасу и до конца октября, пока лёд не появится, идёт осенняя сёмга, самая крупная и постоянная, и это называется главный поход».

Казаков считал сёмгу главной рыбой на Белом море, называл её «гербом, девизом всего Русского Севера». Сёмгу, писал Казаков, ловят по всему Белому морю: и в Двинской губе, и в Мезенской, и в Кандалакшской, и в Онежской губе. Ловят много: в среднем за год до революции вылавливали 3-3,5 тысячи центнеров, в 50-х годах – до 8 тысяч центнеров. Управление рыбной промышленности вынуждено было установить лимит на улов сёмги. «...вещь, по сравнению с другими морями, на Белом море неслыханная!» – восхищался Казаков.

IV

Летом пятьдесят шестого там, на Русском Севере, Казаков не встретил ни одного приезжего. По всей видимости, он был едва ли не первым странствующим человеком на Белом море. Под зоркими взглядами местных мальчишек, запекавших на углях картошку, Казаков чувствовал, что он среди них один такой – чужой, приезжий. Но с годами, чем чаще он приезжал на Север, его принимали за своего, особенно после первых публикаций его рассказов о Русском Севере. Казаков написал о Русском Севере так пронзительно, что его запросто принимали в каждом доме, сажали за стол, угощали чаем, пирогами с рыбой.

Казакова, как и Паустовского, влекла дорога. На Русском Севере он попадал в такую обстановку, где не надо было что-то выдумывать: море, звуки, ночное небо, северное сияние, лодки, сети, рыба, запахи, люди... На стареньком мотоботе, гружённом мешками с мукой, он добрался по морю до опрокинутой, отражённой в воде деревни. Так начинался для писателя Русский Север.

Казаков заболел Русским Севером, он часто ездил в тот край. Его влекли северная природа, климат, белые ночи: «Утром опять солнце, опять мелеет море и уходит, обнажая песчаный берег и невод. И в неводе снова плёс и шум, солнечные брызги, и среди брызг и плеска – рыбаки – рыбаки в мокрых одеждах, с мокрыми палками в руках. И бьют,

чекушат, усыпляют рыбу, стаскивают в корзины, на носилки...» А потом она попадёт в Москву и сотни разных городов, будет лежать, освещённая люминесцентными лампами, в витринах гастрономических магазинов.

Герои его рассказов были рядом с ним, писатель мог любоваться ими. Он даже фамилии героям своих рассказов не придумывал. Все они жили у него под своими именами... Разговаривали они на том языке, где «каждое слово обживается веками». Новгородская жизнь давно прожита и забыта, замечает Казаков, а здесь, на Русском Севере, она отдаётся, как эхо.

Это открытие не только повлияло на отношение писателя к людям, ставшим героями его книг, но и заставило строже спрашивать с себя.

«...месяца полтора ходил я по Северу, по Белому морю, жил по нескольку дней в разных деревнях, жадно расспрашивал каждого о чём придётся, нисколько не стыдясь своего неведения, своей наивности, пока не понял вдруг, что чуть не каждый человек, родившийся и выросший в суровом краю, – герой», – писал он позднее в повести «Мальчик из снежной ямы», возвращаясь к своим первым впечатлениям от встречи с картинами Тыко Вылки.

Работы Тыко Вылка, ненецкого художника с Новой Земли, Казаков увидел впервые в Архангельском музее изобразительных искусств. Разглядывая полотна Тыко Вылки, его поразили бесхитростные и в чём-то наивные сюжеты, но в «беззащитных красках была такая свежесть, такая безыскусственность, что глаз нельзя было оторвать, как, бывает, не оторвёшь взгляд от ослепительно синего окошка небес в низких тёмных тучах».

О картинах Тыко Вылки писали многие: русский писатель и художник Степан Писахов, художники Абрам Архипов и Василий Переплётчиков, путешественник и полярник Владимир Русанов. Альбом с рисунками Тыко Вылки лежал на рабочем столе российского императора Николая II. Всесоюзный староста, председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин назвал Тыко Вылку Президентом Новой Земли.

Написали и издали книги о великом жителе Новой Земли О.П.Воронова, Б.И.Кошечкин, А.Ф.Сухановский. Режиссёр Аркадий Кордон снял фильм «Великий самоед». Именем Тыко Вылки названы улицы в Архангельске и в Нарьян-Маре. Бухта в заливе Брандта Южного острова Новой Земли носит его имя. В наше, более

близкое время, Тыко Вылке посвятил свои стихи Евгений Евтушенко.

И в этом ряду ценителей творчества ненецкого художника не последнее место занимает оценка Юрия Казакова: «Жизнь, остановленная на полотне кистью Вылки, так не похожа на нашу жизнь!.. Картины Вылки – как привет друга, долетевший к нам из другого мира, из иных времён...»

V

Весной, когда на Казакова наваливалась тоска и ему становилось скучно, он находил утешение в посещении ресторанов, нет, не в выпивке, хотя и это случалось, в подслушанном за соседним столом трёпе моряка о том, что в одну минуту на планете происходит три миллиона поцелуев.

Сидя в ресторане с другом, он слушал его рассказы о Севере, о десятидневном шторме в Норвежском море, о проводке каравана малых сейнеров по Великому Северному пути, и вспоминал Архангельск.

После девятимесячной путины в Баренцевом море они с другом жили в Ялте, в гостинице на набережной: много спали, по утрам шелестели давно прочитанными газетами, днём пили кислое крымское вино, ездили в Гурзуф, наблюдали за стоявшими на рейде белыми пароходами, не без смеха смотрели на южных моряков, на их белые рубашки, галстуки, выглаженные брючки, а вечерами сидели на веранде и пили коньяк и кофе.

Глядя на эту сытую, беззаботную жизнь, вспоминали полярный мрак, вой и свист, глухие удары, скрип и треск на палубах, рёв моря, свинцовое небо, белые гребни до самого горизонта, пустынный берег, деревни на Белом море и их серые избы. Друг подначивал:

– Переведёмся?

Друг улыбался своей шутке. Ялта казалась убогой, а море ненастоящим. Не помогло поднять настроение и посещение дома Антона Павловича Чехова. Друзьям было неловко: они как будто пришли, а хозяина нет дома, всё время чувствовали себя непрошеными гостями.

Они с облегчением покинули дом, присели на скамейку и закурили. Друзей тянуло на Север, «проклятый» Север.

Казаков вспоминал Север, «свои скитания», как жил на рыбацкой тоне, вспоминал выходы в море на баркасе, как белыми ночами бил с рыбаками зубаток. Вспоминал целый год. И не было для не-

го счастливее года: он успел много написать рассказов о Севере, о Белом море. Живя в Подмоскowie, ночами думал о том, что ещё напишет о днях, проведённых среди северной природы, и о той девушке, которая пришла проводить его, как она стояла на мостках и он, уезжая, оставлял ей слабую надежду на встречу в будущем.

Казакова охватывало волнение при одном только звуке той деревни, где он провёл своё первое лето, при воспоминании о ней ему хотелось вновь вернуться туда, опять встретить тех людей, с которыми вместе рыбачил, пить чай, слушать их новости, жить с ними в сизой избе под тесовой крышей, а по вечерам записывать их рассказы...

Память возвращала его в небольшой полярный посёлок, в котором он встретил раннюю осень, в маленький северный город, который стоял на берегу реки и где такое короткое лето.

Сидя в избушке на берегу Оки, Казаков доставал блокнот и намечал маршрут на следующее лето. По его расчётам выходило, что ему нужно пройти берегом Белого моря, совершенно пустым, шестьдесят километров. На пути, по рассказам местных жителей, ему попадутся кое-где топи, иногда заброшенные, горы, близко подходящие к воде. Но во время отлива их можно обойти берегом. Во время шторма вряд ли, придётся идти через горы. Но Казакова пугали не горы, не ущелья и не расстояния. В предстоящем путешествии его пугало одиночество.

Он не раз ходил берегом моря, видел, как одиноко солнце садится в море, видел чёрные покосившиеся кресты. В такие минуты Казакову казалось, что весь мир вымер и он один остался на земле.

Проснувшись среди ночи в заброшенной холодной рыбацкой избушке, его не покидало странное ощущение, будто он идёт в прошлое. И ушёл уже далеко, лет за сто назад, в древность.

Однажды Казаков вышел к одиноко стоящей на берегу избе, грязной, закопчённой. И встретил двух рыбаков, молчаливых. Один молоденький, другой постарше – глухонемой. Спали они на каком-то тряпье, нары тут жёсткие, в два яруса. За два часа в ожидании доры – деревянного карбаса – Казаков обмолвился с ними несколькими предложениями. Разговора не получилось.

После трёхчасового перелёта из Москвы до Архангельска, морем до маяка, пешком до Каменки – и провалиться в глубокую древность, прийти к варягам, к их морской жизни.

Под окнами номера гостиницы в Архангельске

Казаков видел Двину, чаек над ней, мачты пароходов, пар над буксирами и думал: «Неужели всё это было?» А может, никогда и не было?!

Утром Казаков улетал в Москву. И думал о том, как вернётся в свой дом в Абрамцеве, чистый, вымытый, выскобленный до блеска, чтобы следующим летом вернуться на Русский Север и послушать, как поют свои руны рунопевцы, поют, как и тысячу лет назад, повстречаться с Татьяной Перттунен, правнучкой Архипа Перттунена, который напевал почти все пятьдесят песен «Калевалы» карело-финского народного эпоса...

Страсть к путешествию, к бродяжничеству не прошла у Казакова с годами. Он любил свой дом в Абрамцеве, но и жалел, что купил когда-то его. Очень держал дом – ремонты всякие. Не было той лёгкости, когда за полдня собрался и уехал на Север, на Валдай, на Волгу, в Городец.

Он хотел опять стать бродягой, думал всё время о том, как когда-то он одиноко ездил, никому не известный, никем не любимый... А потом возвращался домой, садился за письменный стол и вспоминал свои разговоры с вахтенными матросами, как просыпался на рассвете от тишины возле пристани у какой-нибудь деревеньки, чтобы увидеть и увезти с собой какую-нибудь милую северную подробность.

Казакова, как и Паустовского, влекла дорога, странничество. Его тянуло к людям, хотелось поговорить, разузнать, как живут они. Больше всех изумляли его старики Севера. Казаков имел воз-

можность беседовать с людьми, которые родились в 70-80-е годы XIX столетия. Подумать только: они полжизни прожили до революции семнадцатого года!

Они хорошо помнили песни, сказки. Они помнили время, которое было так далеко от Казакова и его современников!

Заслуга Юрия Казакова как писателя заключается в том, что он открыл читателям Русский Север, как Пушкин открыл читателям Кавказ, а Ломоносов предложил план организации Московского университета.

Возможно, в будущем станет традицией отмечать в отечественном литературоведении первый приезд на Русский Север классика русской литературы, как сказал о Казакове другой русский классик Фёдор Абрамов. За точку отсчёта следует принять пятьдесят шестой год, о котором Юрий Казаков писал: «Впервые на Белое море я попал в 1956 году...»

Николай Фёдорович БЛОХИН

родился в 1952 году в с. Калюжном Ставропольского края.

Окончил отделение журналистики

Ростовского-на-Дону государственного университета (1979).

Автор тридцати книг.

Печатался в журналах «Алтай», «ВеликороссЪ», «Дальний Восток», «День и Ночь», «Дон», «Зарубежные записки», «Зинзивер», «Литературная Адыгея», «Нева»,

«На русских просторах», «Нижний Новгород», «Подъём»,

«Сибирские огни», «Сибирь», «Сура», «Урал»,

в альманахах «Голос Кавказа», «Литературное Ставрополье»,

«Литературный факел», «Новый Енисейский литератор»,

в ежегодном краеведческом сборнике «Ставропольский хронограф»,

во многих других сборниках.

Член Союза журналистов России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

